

АЛЕКСАНДР ХОМЯКОВ

РАЗУМ В СЕТИ

12+

СЕРИЯ "ИНОЕ БУДУЩЕЕ"

Александр Хомяков

Разум в сети

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хомяков А.

Разум в сети / А. Хомяков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Могут ли быть на земле разумные существа умнее людей? Почему мы не можем встретить инопланетян? Как личность переселить в компьютер? Что такое сознание? Почему наше мышление так ограничено? Этими и другими вопросами задается герой, будучи одним из тех, кто сумел выжить. Из рассказа вы узнаете, что привело человечество на грань выживания, как герой построил искусственный интеллект, чтобы выжить, и кто ему помог в этом.

Все развивалось очень быстро, гораздо быстрее, чем осознавалось. Даже трудно сказать, когда это точно началось, но когда люди поняли, с чем столкнулись, это приняло огромные масштабы и вышло из-под возможного контроля. Правительства предпринимали какие-то меры, в ООН пытались договориться об общих действиях. Но события развивались быстрее способности договориться. Мир был разобщен великим противостоянием Запада и Востока. Обострившийся конфликт на Ближнем Востоке, в котором участвовали все великие державы, был только его видимой частью. Но именно там и начался апокалипсис, уничтоживший привычный и казавшийся незыблемым нам мир.

Это началось незаметно, никто не придавал вначале большого значения случившемуся. Мы уже знали из телевизора, что есть свиной и птичий грипп, что есть ужасная Эбола. Но есть ВОЗ, ей опять дадут на борьбу с эпидемией много миллиардов, и на этом все закончится. Потому что так было много раз. Эпидемия начала распространяться на Ближнем Востоке после войны в Сирии. Но никто об этом не знал, пока она не распространилась на другие страны. У вируса был длинный инкубационный период – 8-24 месяца. Говорят, что это была мутация после применения там химического оружия.

Как в средневековом Иерусалиме, в Сирии сошлись интересы всех крупных стран мира. И все они действовали через наемников, собранных со всего света. Только из европейских стран там оказались десятки тысяч наемников. А также из России, Китая, Индонезии, Африки и даже из некоторых стран Латинской Америки. В этом, как выяснилось потом, и было коварство пандемии – после окончания войны нелегалы стали разъезжаться обратно по миру нелегальными же путями, которыми проникали туда. Покровители наемников заранее обеспечили их документами и деньгами. И вирус проявлял себя впервые только через много месяцев после того, как они вернулись в свои города. Сама болезнь протекала молниеносно – человек умирал за пару недель от внутренних кровоизлияний, которые невозможно остановить. В этом вирус был схож с Эболой, но в своем развитии в организме – на ВИЧ. На Ближнем Востоке в условиях пустыни и малой населенности после войны эпидемия прошла быстро, не оставив в живых ни одного заболевшего. Ее приняли за локальную эпидемию. Никто не хотел заниматься проблемами уже малочисленного и бедного населения разоренной войной страны. Но после окончания войны, через год, когда уже про нее начали забывать, эпидемия вдруг вспыхнула сразу во всех крупных городах на всех континентах.

Вирус жил в человеке в инкубационном периоде без каких-либо проявлений. И передавался очень легко воздушно-капельным путем. Поэтому вдруг оказалось, что вокруг заражено большинство людей. Люди в разных частях света несколько месяцев, не ведая того, распространяли вирус невероятными темпами. Ни вакцин, ни тестов для выявления заболевших просто не было. И люди стали умирать на глазах друг у друга. Было полное ощущение апокалипсиса. Они умирали сначала только на экранах мониторов. Потом стали умирать вокруг нас, в нашем городе, потом близкие. Это была страшная смерть – человек вдруг начинал кашлять кровью, его скручивало от боли в животе, потом его кожа становилась одним сплошным синяком, и он умирал буквально за три-четыре дня. Многие от безумства и безысходности выбегали на улицу, отхаркивая кровь, с криками о помощи. И там же падали от боли, истекая кровью. Это был фильм ужасов в реальности. Люди в противогазах и химзащите еще приезжали за оставшимися лежать, но скоро перестали появляться и они.

В это сначала просто не верилось. Все молча смотрели на происходящее из окон домов и машин. Потом наступил страх за себя. Некоторые люди еще выходили на опустевшие улицы, хотя в ближайшем магазине уже мало что осталось. Никто ничего не подвозил в них.

Я просыпался после привычных снов из прошлого с полным ощущением обычного дня, начинал его с обычных привычек и ритуалов. Но потом вспоминал, что происходит, и страх сковывал, истощая все накопившиеся за ночь силы. В сети писали, что первым признаком вируса были лопнувшие капилляры на лице. Было страшно утром подходить к зеркалу в ван-

ной. Тот случай, когда страх пугает и затягивает – я все-таки подходил как-то боком, не заглядывая сначала в зеркало, потом резко поворачивался к нему и сразу начинал успокаивать себя: «Все хорошо, все хорошо». Но чуть дрожащий голос выдавал мне мой страх.

Сначала прекратилось авиасообщение с Ближним Востоком. Потом всякое сообщение между всеми странами. Но сухопутные границы никто не перекрывал и уже не охранял. Люди пытались уехать из своих городов, с закрытыми окнами авто. После первой вспышки вируса началось великое безумное переселение народов в надежде, что есть города без эпидемии. И привозили ее туда сами. Границы не помогали, потому что никто не решался расстреливать тысячи обезумевших людей, переходящих пограничный пункт. Но ехать было некуда – эпидемия была уже везде. И люди останавливались, как только кто-то из них заболел. Это означало конец пути. Люди вымирали сразу семьями.

Закрытие сообщений привело к полному обрыву экономических связей, и начался экономический апокалипсис. Мировая экономика, напряженная до этого серией кризисов, рухнула как карточный домик в считанные месяцы. Закрылись биржи, рухнули акции, курсы валют остановились, как часы с кончившейся батареей.

Вакцину и тесты просто не успели сделать за такое короткое время до закрытия границ – экономические связи в обществе развалились раньше. Говорят, что ее все-таки разработали, но уже некому было ее производить. Никто уже не стремился ею овладеть, потому что это уже был апокалипсис, а не эпидемия. Апокалипсис цивилизации, не выдержавшей такого удара от природы, спровоцированного самими людьми. Эпидемия была предсказана, многие ученые говорили об опасности быстрого распространения пандемии при такой глобализации и урбанизации. Но правителям было не до таких неудобных предсказаний. Они были заняты глобальным противостоянием экономических интересов.

Все развивалось как в самых страшных фильмах. Дети перестали ходить в школу, люди перестали обращаться в больницы, потому что там уже не было врачей. Никто не ходил больше по торговым центрам. Кафе и рестораны опустели, став серыми памятниками прошлой жизни. Распались фирмы, люди боялись ходить в офисы. Люди боялись друг друга. Центр города с его офисами и торговыми центрами стал похож на город-призрак. Тот город, который мы много раз видели в фильмах-катастрофах. Некоторые пытались работать друг с другом через сеть. Но никто ничего не заказывал. Потому что не знал, что будет. И будет ли вообще. Те, кто выжил, находились в оцепенении от ужаса и не строили планов.

Общение полностью переместилось в сеть. Мы жили наполовину в соцсетях и раньше. Но мы все равно по привычке куда-то шли – в торговые центры, на встречи, в кафе. Вирус остановил всех, запер в своих квартирах. Мы были вместе, все, кто выжили, только в сети. И мы чувствовали свое родство в опустошенном эпидемией городе как никогда сильно и больно. Каждое сообщение с какого-нибудь края планеты воспринималось с радостью, как весть из преисподней. Это сейчас такие слова кажутся слишком высокопарными. Но когда за ним стояло слитое воедино страдание и ужас всех, кто смог выжить и выйти в сеть, отношение к этому было именно таким. И остается в глубине таким до сих пор.

В сети была и надежда, и страдание – умирающие выкладывали свои последние фотографии и прощальные послания людям. Аккаунты в соцсетях превратились в памятники. Перед смертью у многих возникал психоз отчаяния. Они звонили по скайпу всем подряд, пытаясь призвать на помощь. Некоторые выбегали на улицу, ища в отчаянии помощи у любого встречного, который отвечал только одним – убегал.

Мы не знали, кто из нас заражен, а кто нет. Это была ежедневная рулетка перед зеркалом. Мы общались как в последний раз, потому что не знали, кто завтра перестанет отвечать на сообщения. Никто ничем не мог помочь, если его настигал вирус. Мы подбадривали друг друга, что мы еще живы, а значит, с каждым днем увеличивается вероятность нашего выживания. Хотя это никак не повышало шансы каждого в отдельности. В сети бродили все новые

и новые сообщения, что спасение близко, уже сделали вакцину, осталось ее произвести. И всех оставшихся спасут. Но похоже, что все это были попытки подбодрить себя. За полгода вымерло 70% населения цивилизованных стран, по примерным подсчетам статистики в соц-сетях. И в это верилось, потому что неубранные трупы можно было увидеть на улицах своего города прямо из окна.

По городу ездили только машины. И ни одного пешехода. Люди сидели дома и боялись выходить даже на лестницу, не доверяя своим соседям. Никто не знал, кто болеет, никто не доверял никому, кроме узкого круга семьи, в котором остался запертым в квартире. Семья превратилась в монолит взаимной поддержки. Все знали, что или все спасутся, или все вместе умрут. Я был один, но монолитным мое состояние было трудно назвать.

Было страшно видеть на стене соцсети сообщения «ПОМОГИТЕ! МЫ УМИРАЕМ!» От таких сообщений с фотографиями, выражение ужаса на которых даже невозможно передать словами, останавливалось сердце. Потому что ты знал, что завтра это можешь написать ты. И знал, что в ответ на мольбы люди только крепче закрывали свои двери и окна.

Периодически появлялись сообщения, что нашли ребенка, который выжил в вымершей семье, потому что у него появился иммунитет к вирусу. Но все это было желанием, а не реальностью. Некоторые люди пытались штурмовать больницы. Такие сообщения нередко появлялись в сети. Но там не было помощи, потому что ни у кого не было вакцины. Это были штурмы отчаяния. Медики могли дать только обезболивающее. Но сами врачи боялись вируса больше, чем обычные люди. Они знали всю правду о нем.

Каждая попытка выйти на улицу была похожа на выход в дикие джунгли. Сначала вслушивались в шумы, не идет ли там кто по лестнице. Потом резко выходили и с шумом бежали вниз, пока никто тоже не вышел. На улицах было пусто, но каждая тень, промелькнувшая вдали, пугала. Первое время на улицах было опасно еще потому, что было много брошенных голодных собак. Домашних, но уже успевших одичать. Они разъедали вынесенные на улицу трупы. Это было жуткое зрелище. Невыносимое лицо апокалипсиса. Только через несколько месяцев, когда специальные группы в химзащите вывезли все трупы, этот ужас прекратился.

На государство, как раньше, уже никто не надеялся. И никто не смотрел на законы. Решали так, как надо сейчас, а не как написано в законах. Это были законы для другой жизни. Когда кто-то говорил, что по закону надо иначе, ему сразу отмечали – по закону чиновников и правителей мы уже пожил. Не много людей выжило в результате. Это тоже был переворот в сознании, вылившийся в открытую ненависть к любой власти, к любым правителям. Которые разожгли конфликт и не смогли спасти людей.

В сети писали, что многие уезжали в лес, в заброшенные деревни, чтобы вирус не настиг их. Я тоже думал об этом, но отсутствие интернета и, возможно, даже электричества останавливало меня. Я еще цеплялся за информацию в сети как надежду найти крупинцы разума в обезумевшем обществе. Чтобы найти выход. В относительной безопасности оказались только те, кто был в экспедициях и в отдаленных районах. Например, на российском Севере или в горах Непала. В их жизни ничего не изменилось, но они не могли вернуться к цивилизации из-за случившегося.

К тому времени я уже понимал, что причина быстрого распространения вируса не только в коварности его инкубационного периода. В истории человечества было немало пандемий. Но урбанизация большинства населения земного шара и глобализация транспортных связей, произошедшие за истекшие полвека, привели к быстрому распространению вируса, охватившему сразу половину населения развитых стран. Прежде всего, в густонаселенных городах, жители которых стали убегать в малые города от эпидемии и обрekli их.

К тому же лечение лекарствами, распространенное за столетие по всему миру, лишило организмы людей развития внутреннего иммунитета. С каждым годом рождались все менее

самостоятельные организмы, все больше требующие внешней лекарственной поддержки. Люди незаметно для себя деградировали в способности противостоять вирусам.

Мы боялись, что это конец цивилизации. Что ее не восстановить после такого разрушительного апокалипсиса. В каждом биологическом индивиде природы есть гены, содержащие всю информацию его вида. Достаточно выжить двум. Но ни в одном человеке нет всей информации обо всей культуре цивилизации. Значит, чем больше умирало людей, особенно в европейской части, тем больше мы теряли культуру, отвоеванные знания. Мы теряли не только людей, но и облик цивилизованности.

Биологическая форма жизни оказалась очень уязвимой в неестественных условиях обитания. Было странно и страшно видеть, как высшая форма организации живого, великая цивилизация самых разумных существ на Земле и, возможно, во Вселенной так легко уничтожается незамысловатым биологическим вирусом. К чему тогда вся эволюция людей, вся история человечества, гении и тираны? Кто тогда победил в эволюции? И что будет после нас? Я все чаще забывался в этих мыслях но голод возвращал меня в реальность.

В дефиците почти сразу оказалась еда. Свежего хлеба и овощей я не держал во рту уже почти год. Еще можно было достать продукты и консервы долгого хранения. Одежда и машины были никому не нужны – перед эпидемией их было сделано столько, что, похоже, хватит оставшимся людям на десятки лет. Никого только эти блага цивилизации тогда не интересовали. Как и путешествия. Самолеты из хроники, снятой дронами, стояли у аэропортов как тени бывшего шумного муравейника. Никто больше не спешил куда-то ехать, только чтобы посидеть в ресторане с дальними друзьями. Это желание, которое было нормой еще год назад, теперь может быть только желанием самоубийцы.

Деньги превратились за пару лет в ценность не большую, чем кусок пластика, именовавшийся банковской картой. Люди еще расплачивались друг с другом местной валютой, которой еще кто-то доверял. Но все чаще универсальной валютой становилась еда.

Единственное, что еще вселяло надежду на какое-то будущее – это то, что в дома еще поступала вода и электричество. Никто уже не платил за них или платил автоматом обесцененную валюту. Но они продолжали поступать в дома. Писали, что так происходит потому, что это самые автоматизированные системы, которые могут работать с минимальным вмешательством человека. Если есть электричество, водные подстанции качали воду. Все работало как бы само. Но почему не отключался интернет, не понимал никто. Да, интернет был создан как устойчивая к разрывам связь на время войны. Но чтобы продолжало работать большинство дата-центров – это казалось фантастикой. Им требовалось обслуживание, отработка сбоев. Это было поводом для оптимизма выживших: цивилизация жива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.